

МЕТЕЛЬ

*Пьеса в двух случайных мимолетных соприкосновениях по мотивам
одноименной повести А. С. Пушкина.*

Ох, судьба, судьба, судьба! Вне всяких сомнений, ты самая загадочная дама на свете. Самая загадочная и самая непредсказуемая. Ты влетаешь в наши скромные стези такие свои иронии, что они оборачиваются питательной пищей для пылких умов художников слова. Иной раз и не понять: шутишь ли ты или осыпаешь нас своими странными капризами с каким-то особым, непонятным умыслом.

А может быть, тебя и вовсе нет?

Нет, есть!

Знаю, есть. Иначе твоей жестокости не было бы иного объяснения.

Эх, судьба, судьба, судьба ...

СОПРИКОСНОВЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маленькая хилая церквушка на окраине деревни Жардино. Одна из тех, где святые отцы причащают “на скорую руку”, а по случаю промышляют тайным крещением или венчанием в духе брата Лоренцо. По углам горят несколько жалких свечей. Их пламя, временами изгибающееся под мертвым дыханием сквозняков, озаряет блаженные лики святых, которые сделались какими-то странными от этого убого света. Кажется, что они то улыбаются, то вообще смеются, обнажив желтые масляные зубы, похожие на кусочки тушеных кабачков.

В церкви Марья Гавриловна, К.И.Т., корнет Дравин и священник, на котором одеяние, требуемое при венчании.

Девушки сидят в углу. Молчат. Тишина. Только за маленькими оконцами бесчинствует метель.

Корнет стоит подле окна, прижавшись к нему лицом и руками. Смотрит. Святой отец удалился за иконостас и там чем-то гремит - похоже, ест.

А метель все кричит и кричит, словно роженица, явившая в руки повитухи мертвеца.

МАША (*негромко.*) Что же это мой ангел, Володя, все не едет и не едет ... Я так боюсь за него ... И еще этот сон ...

К.И.Т. Какой сон?

МАША (*готова заплакать.*) Плохой ... плохой сон.

К.И.Т. Какой сон? Какой, милая?

К.И.Т. бледнеет, встает и идет к Дравину. Маша закрывает лицо руками и плачет.

МАША (*замолкает, шепчет молитву.*) Прошлой ночью... Прошлой ночью мне приснилось, что Володя ... что Володя... что он умер. (*Ёжится.*) Мне было так жутко смотреть на него, лежащего на траве ... бледного и окровавленного. Было видно, что душа покидает его, а между тем ... между тем он молил меня страшным пронзительным голосом, молил меня поспешить с ним обвенчаться. Как это ужасно! Как ужасно! Я так ненавижу свои сны! Они всегда такие реальные. Такие страшные и непонятные ... Где же мой Володя?! Что с ним?! Какая беда его задержала?!

К.И.Т. (*Дравину.*) Что там, корнет? Не видно?

ДРАВИН. *(Отходит от окна.)* Ни черта! Только дьявольская метель бесится, как сумасшедшая.

К.И.Т. *(Прижимает указательный палец к губам.)* Тише, корнет, тише. Грешно поминать имя нечистого в храме Божьем.

ДРАВИН. *(Одаряет небрежным взглядом иконы.)* Деньги плочены - пускай терпят.

К.И.Т. Тс-с-с, корнет ... Стыдно перед батюшкой.

ДРАВИН. *(Усмехается.)* Перед этим ... *(Делает жест в сторону иконостаса.)* Он уже пьян, как ямщик ...

К.И.Т. *(Шепотом.)* С чего вы взяли, вовсе он не пьяный.

ДРАВИН. *(Зло.)* Не пьяный, так будет, пять рублей содрал, гад! Пройдоха! Божья свинья с бородой!

К.И.Т. *(Строго.)* Перестаньте ... Пойдёмте лучше к Марье Гавриловне. Она себе места не находит. Вся извелась. Да и мне беспокойно от этой метели ... *(Задумчиво.)* Странная она какая-то. Точно беду предвещает ... Ох, чего бы не случилось, чего бы не стряслось с Владимиром Николаевичем. Ох, не стряслось бы чего ... Ведь уже должен быть. Ведь должен?

ДРАВИН. Молчи, дурочка. Не смей при ней.

Идут к Маше, которая сидит, опустив голову и обхватив себя руками. Садятся по сторонам. К.И.Т. обнимает её. Гладит плечо.

К.И.Т. Бедная моя девочка! Что же ты себя терзаешь? Что же мучишь? Что же так убиваешься? Всё будет хорошо, дитя моё. Всё будет хорошо. Осталось недолго ... Совсем недолго ... Скоро приедет ваш поручик. Должно быть, что-то задержало его в пути. Ведь такая метель ...

МАША. *(Шепчет.)* Жуткая ...

К.И.Т. Никакая она не жуткая.

ДРАВИН. Пустяковая.

К.И.Т. Вот видите - пустяковая. Корнет знает в этом толк. *(Дравину.)* Правда, милый?

ДРАВИН. *(Бодро.)* Чистая ...

К.И.Т. Вот видите, душа моя, вот видите. Скоро будет ваш поручик. Уже недолго осталось. Скоро будет. Лучше расскажите нам с корнетом о нём. Мы ведь только и знаем, что звать его Владимиром Николаевичем. Он, верно, страшно мил, раз так понравился вашему романтическому воображению? *(Смеётся.)* Признайтесь, он - мил, мил, как белый почтовый голубь?

Маша поднимает голову и нежно улыбается от тёплых воспоминаний.

МАША. Он самый милый на свете, мой Володя. Он писал мне письма, когда не было случая свидеться. Я часто плакала от этих писем. Они были такие ... такие ... они прямо пылали страстию. Я просто не могла читать их спокойно - слёзы всякий раз душили меня. Он такой трогательный ... такой ... такой ... такой ... Но он беден ... *(Пауза.)* И от этого все наши несчастья! От этого все наши зловещения! Ох, если бы только он не был беден ... если бы только ... *(Плачет.)*

К.И.Т. Несчастливая девочка моя. Как, должно быть, это скверно, не иметь денег.

ДРАВИН. *(Философски.)* Да уж ... Без денег ты не человек. Без них, деточек, ты - мужик, только что при звании. *(Грустно.)* Да и какое там звание, если не можешь проиграть рубля три в бостон. Даже вон этот *(кивает головой в сторону иконостаса)* и то за "спасибо" не венчает - пять рублей сорвал, паразит! Знамо дело - напьётся! Я их, гадов, по бороде узнаю - у всех липкая от вина. Напьётся, если не уже. Пренебреженно напьётся ...

К.И.Т. Тише, корнет, тише. Побойтесь Бога. Не терзайте душу бедной Марье Гавриловне! Никакой он не пьяный, наш батюшка! И не напьётся! А деньги, что взял, так их везде берут - это на нужды церкви. *(Маше.)* А вы, Марья Гавриловна, не слушайте его. Он ведь только и согласился в свидетели, что это приключение напомнило ему прежнее время и былые гусарские забавы. Господи, что я говорю! Не слушайте меня, дурочку! Не слушайте меня, любезная Марья Гавриловна! Не слушайте! Всё у вас будет как у людей! Приличное будет венчание! Всё как у людей! И детки будут! И деньги! И дражайшие ваши родители оттают душою! Только бы ваш поручик приехал! Только бы приехал ... Ой, что я болтаю?! Конечно, он приедет. Конечно, приедет. Только вот задержался в пути ...

МАША. *(Как будто сама с собой.)* А ежели нет?

К.И.Т. Приедет, глупенькая, приедет. *(Дравину.)* Идите, корнет, подежурьте на паперти. Кабы не проскочил он церковь. Ведь метель ... Только оденьтесь ... Только оденьтесь.

Дравин молча встаёт и идёт к дверям. По пути берёт с лавки полушубок, шапку. Надевает. Уходит.

Ворвавшийся из дверей порыв ветра тушит одну из свечей. Становится ещё темнее.

И как бы по этой причине ветер начинает яростнее бесноваться за стенами. Теперь его вой ещё более страшный, ещё более душераздирающий.

К.И.Т. *(Встаёт.)* Пойдёмте тоже, моя милая. Пойдёмте, сядем в другое место ... Здесь холодно ... Вон и угол весь заиндевел ...

Маша не двигается. Тупо глядит перед собой.

МАША. Знаете, что я сейчас подумала?

К.И.Т. Что, милая? Что вы подумали?

МАША. Я вдруг подумала ... *(Молчит.)* Я подумала, что если бы мы с Владимиром Николаевичем не воспылали бы друг к другу страстию, то ... то я была б ... была б намного ... намного счастливее ...

К.И.Т. *(Снова садится рядом, гладит руки Марье Гавриловне.)* Что такое вы говорите, душа моя? Молчите, милая, молчите! Это всё от нервов у вас! От беспокойства! От этой метели страшной! Это пройдёт. Пройдёт, милая. Вот прибудет Владимир Николаевич. Повенчае-тесь перед Богом и станет вам спокойнее ... Это всё от нервов. От нервов всё ...

МАША. *(Шепчет.)* Нет, подруженька моя любимая, нежная! Это оно говорит мне! *(Прикладывает руку к сердцу.)* Оно так думает! Оно знает ... Ему лучше знать! Было б лучше для нас с Володей, если б любовь не вскружила наши головы. И для батюшки с матушкой было б лучше. И для вас с корнетом. И для всего белого света лучше было бы!

К.И.Т. *(С силой жмёт Маше руки.)* Ничего оно не знает, Марья Гавриловна - оно юное, глупое! Это оно от нервов, от беспокойства, от переживаний душевных, от метели от этой ужасной!!!! И никому не худо вовсе от вашей с Владимиром Николаевичем любви! Всем даже очень хорошо. Все за вас рады ... И родители ваши любезные тоже будут рады, узнав, что вы, милая, обрели, наконец, своё счастье! Все, все рады ...

МАША. *(Смотрит на К.И.Т. умоляюще.)* Может, не нужно всего этого? Может, не нужно венчания никакого тайного? Может, домой лучше? Ведь не поздно ещё ... Ведь не поздно ... не поздно ... Быть может, потом родители смягчатся и дадут согласие на брак. Сейчас домой лучше ... А Володя поймёт, не разлюбит ... Он милый! Он умный! Он поймёт! Поймёт! Я знаю! Я знаю! Знаю я!

К.И.Т. Бедная моя девочка! А ежели всё раскроется? Ежели дражайшие ваши родители прознают про наш заговор? Тогда не видать вам больше Владимира Николаевича. Не видать больше! Выдадут вас спешно за богатого жениха - за первого встречного! Я знаю, как такое делается. Это просто ...

Вдруг её обрывает отдалённый голос Дравина на улице: "Сюда! Сюда!"

Обе бледнеют. **К.И.Т.** вскакивает, бежит к двери, потом возвращается.

Решайтесь, милая, решайтесь.

Маша начинает заваливаться на бок и что-то лихорадочно искать у себя на коленях.

К.И.Т. подхватывает её, держит, панически озираясь по сторонам.

МАША. *(Слабеющим голосом.)* Всё в глазах помутилось ...

К.И.Т. Это от нервов, от нервов ...

Распахивается дверь, влетает запыхавшийся корнет. На ходу скидывает шапку, полусубок. Крестится.

ДРАВИН. *(Кричит.)* Приехали!!! Приехали!!! Где поп?!

Священник выходит из-за иконостаса, поправляет туалет.

К.И.Т. *(Дравину.)* Марье Гавриловне нехорошо!

ДРАВИН. Нервное ... Пройдёт ...

Открывается дверь. Появляется молодой человек в заснеженной шубе, с поднятым воротником. Три раза осеняет себя крестным знаменем. Рассеянно оглядывается по сторонам. Лица его из-за скудного освещения не видно.

К.И.Т. Где же вы замешкались? Чуть было не уморили невесту. Но, слава Богу, приехали. А то мы уже и не знали, что подумать ...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я не понимаю ...

СВЯЩЕННИК. *(Подходит к молодому человеку.)* Прикажете начинать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А ... Ага ... Начинайте, начинайте, батюшка ...

Дравин помогает **К.И.Т.** поднять Машу. Все подходят к аналою.

Пламя свечей по углам испуганно трепещет.

Тени выплывают на стенах какие-то шаманские танцы, словно души мертвецов, которых когда-то отпели в этих самых стенах.

А метель всё орёт и орёт, как животное после неточного удара мясника.

СВЯЩЕННИК. *(Дравину.)* Свечи надобно ...

ДРАВИН. *(Машет рукой.)* Так ... Так венчайте, не удержит она. Сама еле стоит.

Святой отец неуверенно смотрит на **К.И.Т.**, потом на жениха. Потом снова на **К.И.Т.**

К.И.Т. *(Шепотом.)* Венчайте, батюшка ... Дурно ей.

Священник идёт к алтарю и начинает нараспев: “Благослови, Бог наш. Всегда. Ныне. И присно. И во веки веков. Аминь”.

ДРАВИН. Покороче, святой отец - в обмороке невеста.

СВЯЩЕННИК. Как прикажете. *(Берёт кольца. Подходит к молодым.)* Обручается раб Божий ...

К.И.Т. *(Негромко.)* Владимир ...

СВЯЩЕННИК. ... Владимир рабе Божьей ...

К.И.Т. Марии.

СВЯЩЕННИК. ... Марии. Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь. *(Даёт жениху кольцо.)* Обручается раба Божья Мария рабу Божьему Владимиру. Вот имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь. *(Надевает кольцо Маше на палец. Крестит жениха и невесту.)* Господи Боже наш. Венчаю вас славой и честью. Господи Боже наш. Венчаю вас славой и честью. Господи Боже наш. Венчаю вас славой и честью. *(Молчит.)* Отныне вы муж и жена перед лицом Бога и свидетелей. Поцелуйтесь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. *(Протягивает священнику кольцо.)* Я ... Я ... Я ...

ДРАВИН. *(Весело.)* Не робейте, поручик, целуйте.

К.И.Т. (*Марье Гавриловне.*) Всё кончилось, милая, поцелуйте мужа.

Маша пристально смотрит на молодого человека, который стоит неподвижно, как соляной столп. Потом она начинает что-то лихорадочно говорить, но губы её открываются беззвучно, словно у рыбы. Наконец она дико кричит: “Не он!!! Не он!!! Не он!!!” Вырывается из рук корнета и К.И.Т., пьитися, падает на спину и замолкает. Воцаряется гробовая тишина.

Даже метель стихает, заинтриговано прислушиваясь к происходящему.

Все ошарашено глядят на молодого человека, который идёт спиной к двери и медленно скрывается за ней.

(*Шепчет.*) Господи, что же это? Господи ... (*Подбегает к Маше, пытается её поднять.*) Марья Гавриловна, голубушка ... Марья Гавриловна ... Марья ... Маша! Машенька!!! Вставайте!!! (*Дравину.*) Корнет, помогите же!!!

ДРАВИН. (*Помогает; испуганно.*) Теперь-то что? Теперь-то что?

К.И.Т. Домой её надо ... Домой ... Никто ни о чём не знает. И мы молчать будем. Только письмо к родителям надо в огонь. В огонь его ...

Ведут Машу к выходу.

МАША. Куда мы? Куда? Где он?

К.И.Т. Домой, ангел мой ... Домой ... Вы ведь сами хотели, милая. Сами хотели.

МАША. (*Пытается сопротивляться.*) Где мой Володя? Где он?

К.И.Т. Нет его. Нет его.

Исчезают за дверью

Священник остаётся один. Какое-то время он стоит, как вкопанный. Затем идёт, задвигает засов и садится на лавочку.

СВЯЩЕННИК. Уехали ... (*Вздыхает.*) Играют с Богом как дети малые, а он всё видит ... Всё видит ... И наказывает ...

СОПРИКОСНОВЕНИЕ ВТОРОЕ

Идет Война, растапывая своими немилосердными каблуками города и села, усадьбы и избы, жизни и жалкие их подобию. Война идет. Идет быстро, целеустремленно, не оглядываясь, не глядя под ноги, не обходя встретившиеся на пути лужи. Идет в самом своем излюбленном направлении – на Восток. Идет, выпучив сверкающие злобой глаза, оскалив рот фанатичной улыбкой и напевая патриотические песни на разных языках мира. Идет, обречено чеканя шаг и тяжело постанывая.

А зачем идет?

Никто не знает.

Даже она сама, несчастная.

Гостиная усадьбы N-ского уезда. Все самое ценное собрано в ожидании спешного отъезда. Двери в комнаты заколочены, ставни забиты досками. Жду француза, который «вот-вот должен нагряться». В камине лежат давно остывшие угли. Холодно.

И опять метель визжит и визжит, как дикая собака.

Марья Гавриловна сидит за обеденным столом, закутавшись в одеяло. Что-то пишет. Она выглядит больной, хотя всячески старается скрывать это.

Вбегает Настя, горничная.

НАСТЯ (громко). Раненого принесли, барышня!

МАША (откладывает перо). Что ты кричишь? Какого раненого?

НАСТЯ. В живот раненого! В живот, барышня!

МАША. Что уже французы здесь?

НАСТЯ. Нет, барышня! Это Терешка... Терешка... садовник наш стрелял... Думал вор, а это офицер! А он ему в живот! Вот сюда... (Показывает.)

МАША (вскакивает). Да что же ты сразу не объяснила, дурья твоя башка! Где он?

НАСТЯ. Там... там, на крыльце!

МАША (бегает по комнате, что-то ищет). Ну что же ты стоишь? Что же стоишь? Не стой! Не стой! Беги туда. Несите его скорее. Скорее, Настя!

Настя убегает. Марья Гавриловна начинает стелить на диване.

Появляются несколько человек из прислуги. Они несут что-то тяжелое в полковничьем гусарском мундире.

МАША. На диван его! Осторожнее.

В дверях возникает белое, как смерть, лицо Терешки. Марья Гавриловна подбегает к нему.

МАША. Чего пялишься, мерзавец?! Ежай за доктором!

ТЕРЕШКА (бормочет). Я это случайно, барыня... Случайно... Там метель, а он... шел... Я сказал: «Стой!» А он идет... Я и стрельнул. Я это случайно. Не видел я! Не видел!

МАША. За доктором скачи, идиот! (Прислуге.) Идите к себе... (Насте.) Воды принеси... И водки.

Все уходят. Марья Гавриловна идет к раненому.

МАША. Как же это вас? Зачем вы ему не ответили?

БУРМИН (кашляет). Вы тут хозяйка?

МАША. Я. Я. Теперь я. Как батюшка с матушкой умерли, так все ко мне отошло... Как же это вас?

БУРМИН. Лицо ваше мне знакомо... Может виделись где – не припомню.

Входит Настя принесла воду и водку в графине.

МАША (расстегивает полковнику мундир). Где Терешка? Уехал ли за доктором?

НАСТЯ. Уехал, уехал, барышня.

МАША. Ладно, иди. Позову, ежели чего. (Осматривает рану.) Крови совсем нету. Только маленькая дырочка.

Промывает её водой. Смачивает полотенце водкой, прикладывает его к животу Бурмина.

МАША. Больно?

БУРМИН. Плохо это, что без крови... Внутри она вся. (Пытается приподняться, посмотреть.)

МАША (держит его). Лежите! Нельзя вам... Доктор скоро будет – он осмотрит.

БУРМИН (берет её за руку). Красивая вы... И руки теплые и мягкие, как котята новорожденные.

Маша аккуратно забирает руку. Молчат.

БУРМИН. Величать-то вас как?

МАША. Марьей Гавриловной.

БУРМИН. А я Бурмин... Владимир... Полковник... Георгиевский кавалер. (Нервно смеется.) Будущий покойник.

МАША (встает, идет по комнате). Зачем же вы так? Не нужно... Не нужно так говорить... Это неправда. Неправда то, что вы говорите.

БУРМИН (пытается смеяться). Отчего же неправда – я в самом деле георгиевский кавалер. Спросите кого угодно.

МАША. Не про то я...

БУРМИН. А про что же?

МАША. Не надо! Не мучте меня! Не я же в вас стреляла... Мне и так плохо.

БУРМИН (отворачивается к стене). Простите... Простите, Марья Гавриловна.

Маша садится рядом.

Ветер злобно бросается на ставни, яростно кусает ледяными зубами доски, как огромное сказочное животное.

БУРМИН. Холодно у вас.

МАША. Не топлено... Настя?

Вбегает горничная.

НАСТЯ. Звали, барышня?

МАША. Зажги камин.

НАСТЯ. Нечем, барышня, поворовали всё.

МАША. Найди... Вон стулья прикажи изрубить.

БУРМИН. Стулья-то зачем? Не надо стулья. И не холодно мне вовсе. Пошутил я.

МАША. Поживей, Настя. Замерзла я.

НАСТЯ. Слушаюсь, барышня.

Убегает.

Где-то в глубине дома раздаются удары топора.

Появляется кто-то из прислуги с охапкой обломков мебели. Кладет все в камин, поджигает. Кивком спрашивает разрешения удалиться.

МАША. Иди, Федор.

Мужик уходит, бегло взглянув на раненого.

БУРМИН. Вы непреклонная. Твердая как скала.

МАША. Самая обыкновенная.

Молчание.

БУРМИН. Раньше вы были другая.

МАША (устало). Откуда вам знать, какая я была?

БУРМИН. Это сразу видно... Чувствуется.

МАША. И какая же я была?

БУРМИН (смеется, стонет, держась за живот). Глупенькая, наверное... Чувственная... Мягкая. Вот и руки у вас до сих пор такие остались – теплые и мягкие, как котятка. Да и вы сами только стараетесь казаться суровой, непреклонной, а на деле...

МАША (перебивает). Пустое это... Все, что вы говорите, не имеет никакого смысла. Такой, как сейчас, я была всегда... Такой и никакой другой.

БУРМИН. Нет... неправда. Раньше вы влюблялись. (Улыбается.) Вожделенно поглядывали на молодых красавцев, гадали на суженного в святки... возможно почитывали лирику...

МАША (встает, идет к книжному шкафу). Зачем вы издеваетесь? (Стоит спиной к Бурмину, смотрит какие-то книги.) Разве я виноватая, что этот остолоп Терешка ранил вас? Разве я приказывала ему?

БУРМИН (переворачивается на бок). Ничего вы не поняли, Марья Гавриловна.

МАША (идет к нему). Зачем вы это? Лежите. Лежите. Не двигайтесь.

БУРМИН. Не могу так – горит все. (Вдруг страшно бледнеет, покрывается испариной.) Как больно дьявол! (Шипит, стиснув зубы.) Лучше бы сразу убил, пакостник!

МАША. Не нужно так говорить! Смерть сама знает, когда ее время. А вам еще жить да жить. Женится вам еще надо.

БУРМИН (смеется). Опоздали, Марья Гавриловна, женат я уже. (Кашляет.) Только вот не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидетелься с нею когда-нибудь.

МАША. Как же это? Как же может такое быть?

БУРМИН. Может, Марья Гавриловна, может. (Молчит.) Порой мне самому все это кажется каким-то сумбурным сном. А оказывается может! И никакой это не сон... Не сон...

Закрывает глаза. Молчит.

МАША (шепотом). Что же вы? Что же вы замолчали?

БУРМИН (медленно поднимает веки). А о чем говорить?

МАША. О жене вашей... Где? Когда это было? Или придумали все? Придумали, скажите?

БУРМИН. Чего вы так разволновались, будто признание мое задело вас за живое? Странная вы какая-то, Марья Гавриловна, непонятная...

МАША (опускает глаза в пол). От любопытства это я. От любопытства. (Встает, идет к столу.) Впрочем, можете не рассказывать. Мне письмо писать надобно.

БУРМИН. Нет, отчего же, расскажу. Правда, я сам плохо помню, где это было. Знаю единственное, что спешил тогда в Вильну, где стоял наш полк. Помню, прибыл я на какую-то станцию поздним вечером и велел было закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель... (Молчит, прислушивается.) Этот вечер мне чем-то напоминает ту далекую ночь три года назад. И метель как будто та же самая...

Маша стоит у стола, выпрямив спину, словно ожидая выстрела.

МАША (дрожащим голосом). Что же дальше?

БУРМИН. А... Ах, да. В общем, смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но странное чувство, непонятное беспокойство овладело мною, казалось, кто-то меня так и толкал. Кто-то постоянно шептал у меня в голове «Ежай! Ежай! Ежай!» Наконец, я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены, ямщик, собака, проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и мы очутились в незнакомой стороне. Я уже приготовился к худшему, когда заметил огонек и велел ехать. Это была церковь... Маленькая деревянная церквушка, в каких святые отцы не брезгают тайным венчанием. Вам не хорошо, Марья Гавриловна?

МАША (опускается на стул). Нет, нет, продолжайте.

БУРМИН. Вы бледны или мне кажется? Лицо все горит.

МАША. Кажется вам... Продолжайте.

БУРМИН. Ладно. В общем, церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней, по паперти ходил человек. Он позвал нас. Я велел ямщику подъехать, молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на

лавочке в темном углу. Другая терла ей виски. То ли от мороза, то ли еще от чего я едва соображал, что делаю. Меня о чем-то спрашивали – я отвечал. Потом нас венчали. Быстро так, бесцеремонно, словно это делал не поп, а палач. (Молчит.) Потом предложили поцеловаться. Девушка увидела мое лицо и истошно закричала. Только тогда я понял, что меня приняли за кого-то другого. Свидетели стояли как ошпаренные. Жена моя лежала на полу без памяти. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и приказал ехать. Вот в общем-то и все.

МАША (шепчет). Господи боже... Вы... Вы... Это...

БУРМИН. Я не слышу... Лицо как ватное. Говорите громче.

МАША (подходит, садится рядом). Разве вы не пытались найти её? Как-то отыскать?

БУРМИН. Отчего же. Все три года я только это и делал. Мне хотелось упасть перед ней на колени и просить простить меня. Простить мою чудовищную ветреность. Просить остаться мне женою, несмотря на нелепое венчание. (Молчит.) Я даже нарисовал её портрет у себя в голове. И знаете, кто был на этом портрете – вы, Марья Гавриловна! Яне брежу, не шучу! Вы! Та, которой вы были раньше... Чувственная, ранимая, влюбчивая, нежная, мягкая, теплая. Знаете, чего бы мне сейчас хотелось больше всего на свете? Это что бы вы сказали вдруг: «Это я жена ваша! Это меня ты искал, милый!» Только не бывать этому. Жизнь – не сказка. Что с вами, Марья Гавриловна? Вы плачете?

МАША. Нет, я не плачу.

БУРМИН. Вы плачете. Только что ваша слеза упала мне на руку. Я почти ничего не вижу – одни белые пятна перед глазами, но я почувствовал, как что-то мокрое и теплое лизнуло мне ладонь. Не плачьте, Марья Гавриловна. Не плачьте.

МАША. Я не плачу... не плачу я. Да где же этот доктор?!

БУРМИН. Странно... Мне совсем не больно. Только внутри все холодеет. Сперва жгло, а теперь холодеет. К чему бы это, Марья Гавриловна? Вы не знаете? Нет?

Маша сидит молча, неподвижно, точно статуя.

БУРМИН. Говорите громче. Я плохо слышу. (Молчит.) А знаете, а было бы хорошо, если б вы все-таки той девушкой. Вы, наверное, простили б меня. Простили б? Да, да, я знал. Вы хорошая, добрая. Вы бы не смогли не простить. У нас бы с вами была долгая счастливая жизнь. (Молчит.) Дети были бы... А как же без них. Мы бы купили им маленького пони. Они бы за ним ухаживали и спорили чья очередь скакать. А мы бы наблюдали за ними и радовались... радовались... радовались... (Долго молчит.) Я бы любил вас, Марья Гавриловна. Больше, чем кто-либо когда-либо любил вас. Я бы называл вас своей случайной женой – в шутку, чтобы воспоминания стали казаться сказкой. А вы бы называли меня своим случайным мужем. Тоже в шутку... Чтобы воспоминания стали казаться сказкой. И вы бы стали такой же как и раньше – теплой и мягкой, как ваши руки – новорожденные котята. (Голос слабеет.) И наши сны перестали бы быть реальными, холодными и тревожными. А по утрам меня будил бы ваш голос... Такой родной, близкий. А вас мой... Но мы бы не вставали сразу, потому что холодно вылезать из под одеяла утром. Мы бы еще немного дурачились, целовались, пугали друг друга ледяными ногами. (Слезка наливается у него в глазу и медленно как букашка ползет по щеке.) Это бред! Это все бред! Я брежу... (Молчит.) Но и пускай. Я хочу бредить, Марья Гавриловна. Можно я буду бредить?

Маша не отвечает.

А еще мы бы с вами уехали на юг. Подальше от этих метелей. Мы бы боялись, что они разлучат нас еще раз. Навсегда. И был бы у нас маленький домик... И детки... И пони... И нормальные сны... И своя особая тайна... И вечная любовь... Перед ним... перед Богом... А судьбы была бы нам доброй подругой. Мы бы писали ей письма – благодарили. Но никогда бы не звали в гости. Пускай ходит к другим. А мы бы сами придумывали свою

жизнь. Мы бы смогли. Смогли. (Молчит.) Боже, почему это не вы? Почему не вы? Почему...му...

Замолкает. Его рука спадает с дивана, глухо ударяясь об пол. Затуманенные глаза остаются открытыми. Со щеки подает та самая, похожая на букашку слеза. Она расправляет крылья, легко парит в воздухе, садится Маше на уголок губ, сливается с точно такой же бриллиантовой каплей и исчезает.

Часы начинают бить полночь, но вдруг останавливаются.

Маша опустошенным взглядом смотрит на бездыханное тело. Потом поднимает голову к потолку и громко кричит, словно пытаясь докричаться до отлетающей души: «Это я!!! Это я!!! Это я жена ваша!!!»

Но никто её не слышит.

Только метель, напуганная этим страшным криком, робко стихает.

Воцаряется тишина.

И лишь где-то далеко-далеко в доме кто-то поет колыбельную.

КОНЕЦ.